

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВЕНЬ
ГОРЕНДУ И БОНГУ (НОВАЯ ГВИНЕЯ) В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)***

В сентябре 2017 г. научно-исследовательской экспедицией Фонда им. Миклухо-Маклая, проводившей полевые работы на Берегу Маклая (Новая Гвинея), было собрано много ценных этнографических данных по материальной культуре папуасов бонгу (бонгуанцев). Это дает возможность выявить как устойчивость определенных традиций, так и трансформационные процессы, происходившие в местном обществе за последние 40 лет (со времени работы в этих краях советской экспедиции).

Ключевые слова: Новая Гвинея, Берег Маклая, бонгуанцы, культурные традиции, постройки, украшения, продукты питания, музыкальные инструменты

Этнографическое изучение новогвинейского Берега Маклая (в северо-восточной части острова) имеет давнюю традицию в отечественной этнологии. Во второй половине XIX столетия здесь работал русский ученый, путешественник и общественный деятель Н.Н. Миклухо-Маклай. Во время своих трех посещений этого района побережья Новой Гвинеи (1871–1872 гг., 1876–1877 гг., и 1883 г.) ему удалось собрать обширный материал по культуре папуасской этнической группы бонгу (бонгуанцы), проживавшей в четырех деревнях (Бонгу, Горенду, Гумбу, Со-Банглю). Необходимо отметить, что Миклухо-Маклай был первым представителем внешнего мира, которого увидели обитатели этих деревень, поэтому исследования русского ученого имеют огромное значение для этнологической науки, так как он изучал традиции и обычаи «людей каменного века», еще не попавших под влияние западной культуры. Кроме того, научные труды Миклухо-Маклая оказали большое влияние на развитие отечественной океанистики.

В 1971 г. шестой рейс научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев» был посвящен двойной годовщине: столетию со дня первой высадки в деревне Бонгу Н.Н. Миклухо-Маклая и 125-летию со дня его рождения. Этнографический отряд экспедиции, который на протяжении 4 дней проводил полномасштабные этнографические и антропологические исследования в Бонгу, состоял из восьми ученых: Д.Д. Тумаркин (начальник отряда), Б.Н. Путилов, В.Н. Басилов, Н.А. Бутинов, М.В. Крюков, Н.М. Гиренко, О.М. Павловский, И.М. Меликсетова. Кроме того, к отряду были прикомандированы кинодокументалисты В.Г. Рыклин и А.Н. Попов.

Чининов Игорь Викторович – к.и.н., научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: chininov@mail.ru.
Igor V. Chininov – Institute of Ethnology and Anthropology RAS. E-mail: chininov@mail.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

В ходе полевой работы советские ученые установили, что бонгуанцы сохранили многие основные черты своей самобытной культуры, а колониальные порядки и элементы западной культуры были наложены на традиционный уклад жизни. Так, основой хозяйства оставались подсечно-огневое земледелие (основные культуры – ямс, таро, батат, бананы, кокосовая пальма) и рыболовство. Прежними были сельскохозяйственные орудия труда (деревянный кол – *саб* и деревянная лопатка – *удья саб*), распространены циновки из пальмовых листьев, посуда из дерева и скорлупы кокоса, а также глиняные горшки, которые, как и при Маклае, бонгуанцы приобретали в прибрежной деревне Билбил (в XIX в. она находилась на одноименном островке вблизи новогвинейского берега). На рыбную ловлю жители Бонгу выходили в традиционных лодках-долбленках с аутригером, но, при этом, использовали железные рыболовные крючки, а наконечники бамбуковых острог изготавливали из гвоздей. С другой стороны, были в широком употреблении металлические топоры, пилы и ножи, одежда европейского покроя из покупных тканей, использовались керосиновые лампы (когда были в наличии деньги на керосин). Староста деревни располагал транзисторным приемником. Основным источником денежных поступлений была продажа австралийским скупщикам копры. Христианство было принято бонгуанцами только поверхностно и причудливо переплеталось с традиционными верованиями; встречались в деревне и адепты одного из культов карго. Память о Маклае жила в сознании всех поколений бонгуанцев, так как предания о нем стали важной частью местного фольклора и религиозных воззрений (Токарев 1975).

В 1977 г. состоялся восемнадцатый экспедиционный рейс судна «Дмитрий Менделеев», во время которого советские ученые снова посетили деревню Бонгу. На этот раз этнографический отряд пребывал там пять дней и состоял из пятерых членов: Д.Д. Тумаркин (начальник отряда), В.Н. Басилов, И.М. Меликсетова, Е.Н. Кальщиков, В.Н. Шамшуров. Как и в предыдущий раз, к отряду были присоединены кинодокументалисты В.Г. Рыклин и А.Н. Попов. Кроме того, были включены художники М.Л. Плахова и Б.В. Алексеев (супружеская пара). В процессе исследований выявилось значительное углубление имущественной дифференциации среди бонгуанцев по сравнению с 1971 г. В сфере сельского хозяйства Д.Д. Тумаркин зафиксировал очень важный элемент: сеть оросительных каналов, проходящих между огородными участками. По этим канавам дождевая вода, стекая по склону холма, скапливалась в небольшом пруду. Бонгуанцы сообщили, что эти оросительные каналы существуют здесь с незапамятных времен. Об этой примитивной ирригационной системе, не характерной для жителей северо-восточной части Новой Гвинеи, ничего не говорится у Н.Н. Миклухо-Маклая, а в 1971 г. советские ученые ее не обнаружили, так как не осматривали огороды. Обследование 10 жилых домов показало, что у жителей Бонгу появилось больше покупных вещей – одежды, посуды и др. В быту широко использовались электрические фонарики, насчитывалось более десятка портативных радиоприемников. С их помощью бонгуанцы стали регулярно слушать передаваемые из столицы Порт-Морсби на языке ток-писин новости, познавательные передачи, разнообразную музыку – от традиционных океанийских песен и мелодий до современных западных, таких как джаз и хард-рок. Но при этом, бонгуанцы продолжали широко применять традиционные деревянные и бамбуковые сосуды, глиняные горшки и циновки из пальмовых листьев. Дома сохранили прежнюю форму и строились исключительно из местных материалов (Тумаркин 2015: 22–23).

Следует отметить, что в 70-х гг. XX века бонгуанцы проживали только в деревне Бонгу. Причиной такой перемены служили важные события в жизни местных папуасов в конце XIX века. В 1886 г. в 10 км от деревни Бонгу германская Новогвинейская компания учредила факторию Стефансорт. В 1887–1888 гг. управляющий этой факторией натуралист и этнограф Я.С. Кубари захватил на побережье залива Астролябия шесть земельных массивов для устройства крупных плантаций кокосовых пальм. Одна из них, Меламу, была основана возле бухты Константина, т.е. в районе расселения бонгуанцев. В результате этой экспроприации жители деревень Горенду и Гумбу лишились части своих земель и были вынуждены переселиться в деревню Бонгу. После Первой мировой войны, когда северо-восточная часть Новой Гвинеи перешла под управление Австралии, плантация Меламу была продана австралийской фирме. В 1971 г. советские ученые, узнали, что бонгуанцы выкупили эту плантацию. Позже, в 1975 г., когда Папуа-Новая Гвинея получила независимость, жители Бонгу при помощи контролируемого властями Банка развития ПНГ выкупили плантацию Меламу. Формально она была передана кланам, которые владели этой землей до ее захвата колониальными властями. Но фактически большинством растущих там кокосовых пальм завладел бывший деревенский староста Каму. Это и застали члены советской экспедиции 1977 г. (Тумаркин 2015: 22).

После двух советских экспедиций на Берег Маклая наступил 40-летний информационный вакуум в области этнографии этого новогвинейского района, так как отечественные исследователи не имели возможности ездить туда, а зарубежные этнологи и антропологи больше уделяли внимание другим регионам острова. К счастью, ситуация изменилось в лучшую сторону во втором десятилетии XXI века.

В сентябре 2017 г. Фондом имени Миклухо-Маклая была организована и проведена научно-исследовательская экспедиция к берегам залива Астролябия. В ее состав вошли Н.Н. Миклухо-Маклай (полный тезка и потомок великого русского ученого и путешественника по линии брата) – президент Фонда и руководитель экспедиции; И.В. Чининов – научный сотрудник Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; А.А. Лебедева – научный сотрудник Отдела Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; Д.И. Шаромов – фотограф экспедиции.

В научные планы автора входило изучение материальной культуры бонгуанцев, включая постройки, предметы домашнего обихода, одежду, украшения, пищевой рацион и музыкальные инструменты. На время проведения полевых работ (7 дней) члены экспедиции были размещены в одной из семейных хижин деревни Горенду, чьи хозяева любезно ее предоставили как знак особого уважения к гостям, прибывшим из далекой страны, родины Н.Н. Миклухо-Маклая. Важно отметить, что в настоящее время бонгуанцы снова проживают не только в деревне Бонгу (как в 70-х гг. прошлого столетия), но и в заново отстроенных в 1990-х гг. деревнях Горенду и Гумбу.

Постройки

Жилые и нежилые строения в деревнях Горенду и Бонгу в настоящее время можно разделить на пять категорий: семейные хижины, дома подростков (мужские дома), хижины для инициаций, одиночные хижины и хозяйственные сооружения. Во времена

Н.Н. Миклухо-Маклая существовали первые четыре; хозяйственные постройки стали появляться только в колониальную эпоху. Все жилые хижины по-прежнему сохраняют свои функции и сооружаются почти исключительно из природных материалов. Самым существенным архитектурным изменением семейных хижин, домов подростков и одиночных хижин, возникшим на рубеже XIX и XX веков, стало их возведение на сваях. Если немецкий этнограф и путешественник Отто Финш, посетивший Бонгу в 1884 г., застал здесь еще хижины с земляным полом (до этого подробно описанные Н.Н. Миклухо-Маклаем) (*Finsch* 1888: 46), то немецкий миссионер А. Ханке, который на протяжении почти 11 лет, начиная с 1896 г., изучал жизнь бонгуанцев и обитателей окрестных селений, отмечал, что дома там стоят на сваях (*Hanke* 1909: 73).

Причиной перехода к свайным постройкам в этнографической литературе считалось стремление подражать европейцам, которые строили дома для рабочих на своих плантациях на сваях и с террасами. Кроме того, колониальные власти заставляли местных жителей возводить такие же хижины в деревнях для размещения в них белых посетителей (*Aufinger* 1940–1941: 123). Деятельность христианских миссионеров также могла привести к появлению таких новшеств, как это случалось в ряде районов Меланезии. Но, с другой, стороны, не следует забывать, что хижины на сваях были традиционно распространены и в некоторых других местах Новой Гвинеи, прилегающих островах, поэтому здесь также не исключен вариант постепенных культурных заимствований. В этой связи, вопрос перехода жителей Берега Маклая к свайным постройкам остается открытым.

Рис. 1. Деревня Бонгу
(автор фото: Д.И. Шаромов. Источник: Фонд имени Миклухо-Маклая).

Семейные хижины (*маль*) представляют значительное разнообразие как по размерам (включая высоту свай), так и по внутренней планировке. И это, в первую очередь, определяется количеством членов семьи. Общими признаками этих построек являются: наличие двускатной крыши (покрывается листьями саговой пальмы, а в нескольких случаях – алюминиевыми листами), веранды (открытого, полузакрытого и закрытого типа) и окон. Окна в хижинах стали появляться чаще к 1977 г., во время второй советской экспедиции, тогда как в 1971 г. отечественные этнографы не отме-

чали их большого количества. В 2017 г. в деревнях Горенду и Бонгу автор не встретил ни одной семейной хижины без окон. Хижины внутри разделены на комнаты сравнительно невысокими перегородками из расщепленных стволов бамбука (из этого материала изготавливают также стены хижин), сами комнаты рассчитаны чаще всего на двух человек и нередко снабжены дверьми с металлическими засовами и крючками. Иногда дверные проемы загораживают циновками. Вход внутрь со стороны веранды также имеет дверь, которую часто закрывают на металлический засов. Для входа в дом с одной стороны веранды пристроена небольшая деревянная лестница (в некоторых случаях с поручнями), длина которой напрямую зависит от высоты свай. В некоторых семейных хижинах часть помещения освобождается под кухню или небольшой склад, где хранится хозяйственная утварь. Обычно в таких хижинах проживают супруги и их дети до достижения ими подросткового (для юношей) и брачного (для девушек) возраста. Что касается строительного материала, то единственным исключением в деревне Гоенду является семейная хижина, полностью (включая сваи) сооруженная из металла, что прямо свидетельствует о высоком уровне финансовых доходов ее владельца и демонстрирует долговечность самой хижины (как правило, строения из растительных материалов в условиях местного климата сохраняются всего несколько лет, после чего обветшавшую постройку разрушают, и неподалеку возводят новую).

Дома подростков (*боджоу* на языке бонгу, *хаус-бой* на языке ток-писин) в прежние времена выполняли важные социальные и ритуальные функции, и являлись по факту мужскими домами, характерными для большей части Меланезии. В них проводили большую часть времени неженатые и женатые мужчины, здесь хранились священные ритуальные предметы и обрядовые музыкальные инструменты. Женщинам вход в эти строения был строжайше запрещен. Но с началом миссионерской деятельности их культовые и общественные функции стали сильно ослабевать, и к настоящему времени они перестали быть центрами активной социальной и религиозной жизни взрослых мужчин. Сейчас в них проживают почти исключительно юноши после прохождения ими обрядов инициации и до вступления в брак (после чего они переселяются в семейные хижины). Только в одном доме подростков автор обнаружил постоянно там проживающего пожилого мужчину, который никогда не был женат по причине серьезного физического дефекта (но, несмотря на это, он является знатоком местных обычаев и весьма уважаем в общине). Женщины сейчас могут свободно посещать дома подростков, если в них не находятся сакральные предметы, используемые в ритуалах. По своим архитектурным особенностям они, в целом, не сильно отличаются от семейных хижин: также возведены на сваях, имеют веранды и окна, внутри разделены на отдельные помещения, значительны вариации по размерам. Их количество довольно велико в каждой деревне и расположены они, как правило, недалеко от семейных хижин. Какое их количество приходится на один клан или даже малую семью предстоит выяснить при дальнейших исследованиях.

Хижина для инициаций (*тамотал* на языке бонгу, *хаус-мен* на языке ток-писин) не упоминалась Н.Н. Миклухо-Маклаем, не зафиксировали ее и члены первой советской экспедиции. Во время экспедиции 1977 г. В.Н. Басилов слышал о ней от своих папуасских информантов, но, вероятно, сам ее не наблюдал (он ее описывал как маленькую хижину в лесу, каковой она не является, по крайней мере, в 2017 г.). Между тем, именно этот тип постройки, по своим конструктивным и социально-религиозным характеристикам, мало изменился за последние 150 лет. Хижина для инициаций по-прежнему

имеет земляной пол, в отличие от остальных строений, и ее крыша спускается почти до земли, отражая форму построек доконтактного периода. Внутри хижины размещается *багхля* – высокий помост для сиденья, сейчас отсутствующий в других строениях, но в прошлом являвшийся характерной чертой папуасских жилых хижин. Каждая деревня имеет только одну хижину для инициаций, которая всегда находится на значительном удалении от селения, в лесной чаще. Все подростки мужского пола в возрасте 12–18 лет обязаны проходить обряды инициаций в *тамотале*, где они проживают на протяжении месяца, после чего, получив статус взрослых представителей общины, переселяются в дом подростков. Хижина для инициаций до сих пор полностью недоступна для женщин и непосвященных подростков. Даже приближаться к этой постройке менее чем на 20 метров им запрещено (автор был свидетелем того, как взрослые мужчины, сопровождавшие его к *тамоталу*, не подпустили к этому строению на вышеупомянутую дистанцию не прошедшего инициации подростка). Можно сказать, что именно хижина инициаций остается наиболее ярким выражением традиционной бонгуанской культуры, как в архитектурном, так и в социально-религиозном плане. Несмотря на все старания христианских миссионеров, полностью подавить традиционные верования и обряды им не удалось и функционирование *тамотала* является ярким тому подтверждением. Культурные функции этого типа построек также требуют более глубокого изучения.

Рис. 2. Хижина для инициаций.

(Автор фото: Д.И. Шаромов. Источник: Фонд имени Миклухо-Маклая).

Одиночные хижины описаны очень скудно как в работах Н.Н. Миклухо-Маклая, так и в публикациях советских ученых. В 1971 г. в деревне Бонгу было только две одиночные хижины, одна из которых имела земляной пол, другая была возведена на сваях. В обеих хижинах проживали одинокие старики (Басилов 1975: 138). В 2017 г. автор видел несколько хижин этого типа только в деревне Горенду (хотя они наверняка есть и в Бонгу, но из-за больших размеров этой деревни и кратковременности пребывания в ней экспедиции, обнаружить их там не удалось). В настоящее время

они являются как бы миниатюрами семейных хижин: сооружены на сваях (относительно низких), имеют небольшую веранду и только одну комнату.

Хозяйственные строения включают так называемые «кухонные хижины», навесы для сушки копры и туалеты. «Кухонные хижины» представляют постройки, лишенные стен (двускатная крыша покоится на нескольких опорах), и выполняют функцию складского помещения для кухонного инвентаря. Расположены они всегда вблизи семейной хижины и открытого очага, где готовится пища. Одна такая хижина в деревне Горенду из-за своих больших размеров выполняет функцию дома собраний, где собираются взрослые мужчины для обсуждения различных вопросов общинной жизни. Туалеты располагаются как на берегу залива, так и вдали от берега, и конструктивно – это стандартные небольшие будки, характерные для сельских местностей во многих регионах мира. Интересно, что ни «кухонные хижины», ни туалеты не были отмечены членами советских экспедиций. Поэтому можно предположить, что эти строения являются относительно недавним нововведением.

К постройкам, полностью сооруженным из современных строительных материалов, относятся здания школ (в Бонгу школа имеет несколько корпусов), церкви и небольшого медицинского пункта (все в Бонгу).

Предметы домашнего обихода

Наибольшие изменения произошли именно в этой сфере материальной культуры. Сейчас в Горенду и Бонгу повсеместно используются алюминиевые тарелки, ложки, кастрюли, кружки, ведра, пластиковые тазы и другие емкости, металлические чайники. Широко употребляются предметы бытовой химии – моющие средства для посуды и мыло (для мытья тела и стирки одежды). В хижинах часто встречаются противомоскитные сетки, матрасы, спальные мешки. Металлические ножи типа мачете широко применяются в хозяйстве. Многие имеют электрические фонари (централизованного электроснабжения в этих деревнях нет). Значительная часть молодежи активно пользуются смартфонами и планшетами, которые заряжаются посредством солнечных батарей. Все эти современные предметы приобретаются в магазинах города Маданг (и административного центра одноименной провинции), расположенного приблизительно в 35–40 км от деревни Бонгу. В некоторых хижинах появились стулья и столики фабричного производства.

Вместе с тем, в хижинах еще встречается и сугубо традиционная утварь. Так, в некоторых жилых постройках дверные проемы загораживаются циновками (*тагум*), сплетенными из листьев кокосовой пальмы. Эти же циновки используются и для других бытовых нужд. Плетеные сумки не только по-прежнему являются важным хозяйственным атрибутом (в них носят различные личные вещи, корнеплоды с огородов и даже младенцев), но также идут на продажу туристам в Маданг в качестве сувенирной продукции. В нескольких семьях еще в употреблении глиняные горшки, изготавливаемые в деревне Билбил, распложенной к северу от Бонгу и Горенду. Жители прибрежного островка Билбил (Били-Били) в прошлом были известны как предприимчивые торговцы, создавшими своеобразную систему обмена, при которой производимые женщинами этого островка (также как и соседнего островка Ябоб) глиняные горшки, традиционно изготавливаемые (как и повсюду на Новой Гвинее) без гончарного круга, обменивались у жителей многих деревень региона на

таро, ямс, свиней, деревянные чаши и другие полезные товары. На своих больших одномачтовых или двухмачтовых каноэ с аутригером, обитатели Билбила посещали множество поселений вдоль новогвинейского побережья для проведения торговых операций. В начале XX столетия жители Билбила переселились на новогвинейский берег, основав там одноименную деревню. Хотя эта самобытная система обмена уже не существует, женщины деревни Билбил по-прежнему изготавливают керамические горшки для продажи туристам и жителям других селений.

Деревянные чаши (*табир*) также еще можно встретить в некоторых хижинах. Традиционно они изготавливались в других деревнях, и жители Горенду и Бонгу приобретали их путем обмена. Более всего ценились деревянные чаши, изготовленные на островах Сиасси в проливе Витязя и на островах Тами у юго-восточного побережья полуострова Хьююн (первоначально эти чаши производились исключительно жителями островов Тами, но с 1920-х гг. обитатели островов Сиасси заимствовали у них эту традицию). Чаши стиля Тами-Сиасси посредством обмена были широко распространены на северо-восточном и восточном побережьях Новой Гвинеи, прилегающих островах и на побережье западной части Новой Британии.

Хозяйственная утварь из раковин, скорлупы кокоса и стволов бамбука в настоящее время практически полностью вышла из употребления. Ложки из раковин или контейнеры из ствола бамбука для хранения извести (один из компонентов бетеля) можно сейчас встретить только в музейных коллекциях (включая МАЭ РАН).

Одежда и украшения

В повседневной жизни жители Горенду и Гумбу сейчас носят одежду европейского покроя: мужчины – шорты, футболки и рубахи с коротким рукавом, у женщин зрелого и пожилого возраста преобладают длинные платья, а девушки в основном также предпочитают футболки и шорты. Короткие юбки и платья встречаются у девочек до 10 лет. Некоторые мужчины носят головные уборы в виде шляп и кепок. В отличие от 70-х гг. XX века, в настоящее время большое распространение получила обувь, которая уже не считается престижным элементом одежды. Из традиционных повседневных украшений сохранился только плетеный браслет *сагью*, который носят представители обоих полов (на руке выше или ниже бицепса).

Праздничные одежда и украшения бонгуанцев почти не изменились со времен Н.Н. Миклухо-Маклая. Во время исполнения танцев и пантомим мужчины надевают темно-оранжевые лубяные набедренные повязки (*маль*), а женщины – юбку (*най*) из бахромы, образованной нитями из растительных волокон, прикрепленными к поясу. Причем молодые девушки сейчас носят лифчики, а женщины старшего возраста оставляют грудь обнаженной. Для мужских украшений наиболее характерны *буль ра* (из клыков дикой свиньи или выточенные из раковины), *зубо зубо* (из двух крупных раковин и плетеных листьев, по форме отдаленно напоминает гантель; во время танца это украшение держат в зубах), налобные повязки, узкие деревянные дощечки *лоб лоб* (заткнуты за браслет *сагью*). Пучки листьев и травы крепятся на поясе. Тела и лица раскрашиваются. Единственным отличием от нарядов прошлых эпох является отсутствие пышных султанов из птичьих перьев на головах, что вызвано скудностью местной орнитофауны в нынешнее время. В лучшем случае, за головные повязки закрепляют два-три пера.

*Рис. 3. Папуасы в праздничном облачении
(Автор фото: Д. И. Шаромов. Источник: Фонд имени Миклухо-Макля).*

Сейчас нередко молодые мужчины отпускают усы и бороды, и не стригутся коротко, в отличие от 1970-х гг. Женщины также перестали коротко стричься и брить волосы, и некоторые молодые модницы укладывают волосы в замысловатые прически.

В эпоху Н.Н. Миклухо-Макля для бонгуанцев была характерна скарификация (выжигание рубцов на коже), но позже ее вытеснила татуировка. В 1971 г. советский этнограф Басилов отметил, что узоры татуировки скупы и однообразны; ими покрывали лицо и руки. У одного мужчины средних лет был вытатуирован овал вокруг левого глаза, у другого тот же узор обозначался не сплошной линией, а крупными точками. Еще один вид узора на лице – линии из точек в три ряда, образующие широкую полосу у левого глаза. Узоры на руке были только у женщин. Это те же линии в три ряда, образованные четырьмя точками, наколотые над основанием большого пальца, ниже запястья. Но чаще на руке бывала запись на латинице. Жители Бонгу говорили, что узоры татуировки не несли никакой ритуальной смысловой нагрузки. В этой деревне были специалисты по нанесению татуировки, причем главным из них была женщина (Басилов 1975: 156).

В настоящее время обычай татуировки, скорее всего, ушел в прошлое. Автор видел только одного мужчину в Горенду с вытатуированным символом на лбу, но этот человек является представителем народа энга (провинция Энга в Нагорьях), который переселился в эту деревню после заключения брака с местной уроженкой.

150 лет назад мужчины перфорировали носовую перегородку и мочки ушей. Носовыми мужскими украшениями обычно служили продолговатые камни, кусочки раковины и бамбуковые палочки. В ушах мужчины носили широкие черепаховые или деревянные серьги, бамбуковые палочки, продолговатые камни или цветы. К настоящему времени ничего из этих традиций не сохранилось, но в 1971 г. некоторые мужчины еще носили серьги во время праздничных мероприятий (Басилов 1975: 153).

Продукты питания

Растительная продукция всегда резко преобладала над мясной в пищевом рационе бонгуанцев. В позапрошлом столетии главными сельскохозяйственными культурами были кокосовая пальма, ямс, таро, батат, бананы, сахарный тростник. Меньшее значение имели хлебное дерево и саго. Н.Н. Миклухо-Маклай интродуцировал такие культуры как тыква, арбуз, кукуруза и папайя. В начале XX в. также под влиянием европейцев появился маниок. Папуасы разводили так называемую «океанскую тройку» домашних животных: свиней, собак и кур, мясо которых употребляли в пищу. Часть мясного рациона давала охота на дикую свинью, казуара, кускуса, крокодила, птицу носорога. Также употреблялись в пищу большие ящерицы, змеи, различные насекомые и их личинки. Рыба и моллюски были обыденными продуктами питания. Из дневниковых записей Н.Н. Миклухо-Маклая видно, что бонгуанцы умели готовить много блюд и знали разные способы кулинарной обработки продуктов (варка, копчение, запекание, жарение).

В 1971 г. в мясном рационе бонгуанцев наблюдались значительные изменения. Мясо собак вышло из употребления из-за строгого запрета христианских миссионеров, крокодилы практически полностью исчезли на этом участке побережья, гораздо реже стали встречаться казуары. Домашних свиней разводили лишь в очень небольшом количестве.

Рис. 4. Готовящиеся на костре бананы и корнеплоды
(Автор фото: Д. И. Шаромов. Источник: Фонд имени Миклухо-Маклая).

В настоящее время в пище жителей Горенду и Бонгу растительная продукция также сильно превалирует над мясной. Основными культурами являются кокосовая пальма, ямс, таро, батат, бананы и сахарный тростник. Бананы принадлежат к одному из овощных сортов, которые употребляются в пищу после термической обработки. Из внедренных Н.Н. Миклухо-Маклаем растений по-прежнему весьма популярны у бонгуанцев папайя и кукуруза. Домашних свиней окончательно перестали

разводить (так как они вытаптывали посеы огородных культур), но ведется охота на диких свиней. Кур продолжают содержать, но их мясо, как и свинина, остается больше праздничным угощением. На диких птиц охотятся по-прежнему, но их мясо также не являются элементом повседневного рациона. Рыба и моллюски остаются наиболее частым источником животного белка. Полностью вышли из употребления насекомые и паукообразные. Помимо воды и сока кокосов, наиболее распространенным напитком является чай (приобретается в Маданге). Из свежей папайи в некоторых семьях изготавливают сок.

Из традиционных слабонаркотических средств были характерны напиток кава (на языке бонгу – *кеу*) и жевательная смесь бетель (на языке бонгу – *гху*). Важно отметить, что Берег Маклая был одним из немногих мест в Меланезии, где употреблялись оба эти наркотика.

Кава распространена у многих народов Океании. Она готовится путём растирания или разжёвывания и разбавления водой корней, (иногда – стеблей и листьев) перечного растения *Piper methysticum*. Привилегией пить каву обладали только взрослые (прошедшие инициацию) мужчины, в наиболее стратифицированных обществах – у полинезийцев, фиджийцев (Меланезия), понпеианцев (Микронезия) – лица высоких социальных рангов. Процесс приготовления этого напитка у бонгуанцев хорошо описал Н.Н. Миклухо-Маклай: «У папуасов существует также сильно опьяняющий напиток. “На Берегу Маклая” есть кустарник, называемый туземцами *кеу* (*Piper methysticum*), листья, стебли и особенно корни которого жуют, и, когда масса достаточно измельчена, ее выплевывают в скорлупу кокосового ореха с возможно большим количеством слюны. К разжеванной массе доливают немного воды и профильтровав грязно-зеленую кашицу через пучок травы, пьют эту отфильтрованную жидкость, очень горькую и ароматную. Напиток этот не особенно вкусен, о чем свидетельствуют и лица папуасов, проделывающих при питье различные гримасы, но он сильно опьяняет: достаточно маленькой рюмки, чтобы в полчаса сделать человека нетвердо стоящим на ногах. Этот напиток разрешен только старшим мужчинам, а женщинам и детям строго запрещен обычаем. На пирах все мальчики и юноши используют для жевания (но не для питья) *кеу*; так как корень тверд, его предварительно размягчают ударами камня» (Миклухо-Маклай 1993: 36).

В 1971 г. у бонгуанцев еще сохранялся этот напиток, но в настоящее время обычай его приготовления и употребления у жителей Горенду (и, возможно, Бонгу) отошел в прошлое.

Жевательная смесь бетель имеет обширный ареал распространения не только в Океании (Западная Микронезия, многие районы Меланезии), но и в Юго-Восточной Азии, Южной Азии и частично в Восточной Африке (попала туда через индийских торговцев). В Океании эта смесь состоит из трех частей: листа, стебля или зерна перечного растения *Piper betle*, ореха арековой пальмы и гашеной извести, изготовленной из раковин, кораллов или известняка. Способы использования этих компонентов варьируют в различных регионах, но на Берегу Маклая представлены следующим образом: сначала разжевывается орех арековой пальмы, после чего кладется в рот стебель (или лист) бетеля с щепоткой извести. В прошлом жевать бетель у бонгуанцев могли исключительно мужчины. Существовала даже местная поговорка: «Если у тебя рот не выкрашен бетелем, то ты похож на женщину» (Hanke 1909: 26–27). В 1971 г. этот запрет на жевание бетеля женщинами еще прочно удерживался, но к

настоящему времени от него не осталось и следа: женщины сейчас жуют эту смесь наравне с мужчинами, начиная с подросткового возраста.

Табак (на языке бонгу – *кас*) появился на Берегу Маклая приблизительно за 40 – 50 лет до прибытия туда русского путешественника. В колониальную эпоху местные папуасы все больше переходили на покупные сигареты, и сейчас бонгуанцы употребляют только их. Курильщиками в Горенду и Бонгу являются представители обоих полов (как, впрочем, и в других папуасских селениях).

Музыкальные инструменты

Из всего разнообразия музыкальных инструментов бонгуанцев, описанных Н.Н. Миклухо-Маклаем и членом советской экспедиции 1971 г. Б.Н. Путиловым, до настоящего времени прочно сохраняются только три из них: ручной барабан *окам*, сигнальный щелевой гонг *барум* и сигнальная раковина.

Окам является самым распространенным музыкальным инструментом, являющийся интегральным компонентом любых праздничных церемоний и других событий общинной жизни, где он используется в качестве аккомпанемента во время танцев и песнопений. Его форма – в виде песочных часов – характерна для барабанов не только Новой Гвинеи, но и для других районов мира. *Окам* изготавливают из цельного куска ствола дерева (длиной до метра), выжигая его внутреннюю часть. Верхний конец затягивается шкурой ящерицы, и по этой крышке (на языке бонгу – *тали*) бьют пальцами и ладонью. Снаружи ствол стесывается с обоих концов и сужается к середине, и эта средняя часть перехвачена ручкой. Как поверхность барабана, так и его ручка украшаются резьбой. В прошлом, эти барабаны изготавливались на острове Каркар (недалеко от новогвинейского побережья к северо-востоку от Маданга) и посредством обмена попадали к бонгуанцам, но с разрушением традиционных торговых связей *окамы* стали изготавливать местные умельцы.

Барум является гордостью любой общины и ценится очень высоко. Фактически это самый дорогой музыкальный инструмент. Он представляет выдолбленную колоду до трех метров длиной. Его задняя глухая часть срезана напрямую, а передняя часть напоминает нос каноэ. Передняя часть иногда украшена резьбой. Сверху, практически по всей длине главной части гонга, идет узкая щель. Неотъемлемой принадлежностью *барума* является бита (на языке бонгу – *тоба*), которой бьют по стенке гонга, держа ее обеими руками. Передача сигналов на большие расстояния – главная функция *барума*. Существует особый язык сигналов, при помощи которого передается различная информация на большие расстояния. В настоящее время в Бонгу имеется только один *барум*, в Горенду *барума* уже нет (хотя недавно он там еще был, со слов местных жителей), но зато в соседней деревне Гумбу их насчитывается два.

Сигнальная раковина также играет важную роль в жизни общины. Она изготавливается из большой раковины тритона, в ее узком конце делается отверстие, в которую сильно дуют, извлекая мощный рев. Такие сигнальные раковины в прошлом были распространены у многих океанийских народов.

Несмотря на активные модернизационные процессы, затрагивающие даже такие удаленные уголки планеты, жители деревень Горенду и Бонгу еще прочно сохраняют многие элементы своей самобытной материальной культуры, являющиеся наиболее яркими свидетельствами приверженности этической группы бонгу культурным

традициям предков. Различные инновации будут и в дальнейшем наслаиваться на традиционный уклад, не изменяя его на фундаментальном уровне.

Научная литература

- Басилов В.Н. Материальная культура бонгуанцев // На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М., 1975.
- Миклухо-Маклай Н.Н. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 3. М., 1993.
- Токарев С.А. (отв. ред.) На Берегу Маклая. Этнографические очерки. М., 1975.
- Тумаркин Д.Д. «О тамо, кайе!» (о полевой работе на Берегу Маклая) // Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН. М., 2015.
- Aufinger A. Siedlungsform und Häuserbau an der Rai-Küste Neuguineans, – «Anthropos», 1940–1941, Bd XXXV–VI, H. 1–3.
- Finsch O. Samoafahrten, Leipzig, 1888.
- Hanke A. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache. Berlin, 1909.

References

- Basilov, V.N. 1975. Material'naya kul'tura bonguancev [The material culture of the Bonguans]. In *Na Beregu Maklaya. Etnograficheskie ocherki* [On the Maclay Coast. Ethnographic essays]. Moscow.
- Miklukho-Maklay, N.N. 1993. Polnoe sobranie sochinenii v shesti tomakh. Vol. 3 [Complete works in six volumes. Vol. 3]. Moscow.
- Tokarev, S.A., ed. 1975. *Na Beregu Maklaia. Etnograficheskie ocherki* [On the Maclay Coast. Ethnographic essays]. Moscow.
- Tumarkin, D.D. 2015. «O tamo, kaye!» (o polevoi rabote na Beregu Maklaia) [“About Tamo, Kaye!” (About field work on the Maclay Coast)]. In *Etnografiia polevoi zhizni: vospominaniia sotrudnikov IEA RAN* [Ethnography of field life: memoirs of IEA RAS employees]. Moscow.
- I.V. Chininov. The Material Culture of the Inhabitants of Gorendu and Bongu Villages (New Guinea) at the Beginning of the XXI century: Traditions and innovations (based on field research)**

In September 2017, the research expedition conducted by the N.N. Mikloukho-Maclay Foundation, carried out a field research at the Maclay Coast (New Guinea) and collected valuable ethnographic data on the material culture of the Bongu-speaking Papuans. The results allow to identify both the stability of certain traditions and the transformation processes that have taken place in the local society over the past 40 years (since the Soviet expedition worked in this territory).

Key words: *New Guinea, Maclay Coast, Bonguans, cultural traditions, buildings, jewelry, food supply, musical instruments*